

ВЕСТИНИК ЛИТЕРАТУРЫ

1920 г.

№ 9 (21).

Год II.

По делам редакции обращаться к А. Е. Кауфману, Петроград, Моховая 25/17, кв. 5. Телеф. 459-84. Цена номера 40 руб. Отдельные №№ продаются в киосках Центропечати.

СОДЕРЖАНИЕ: Накопление сырого материала.—Л. Н. Андреев (К первой годовщине его смерти): I. Андреев в жизни и в своих произведениях. А. Е. Кауфмана. II. Очерки об Андрееве. В. А. Азовы.—Влюбленный в литературу. (Памяти С. А. Венгерова). А. Е. Кауфмана.—Патриарх Сибири. А. Евгеньева.—Среди писателей на юге. М-ского.—Плавильня слов.—В. Я. Прецкого.—О новых книгах. Проф. М. Я. Лазарсона и В. В. Святловского, А. Е. Кауфмана, Р. М. Кантора, Д. А. Лутохина, Э. Голлербаха и др.—Книжные знаки. В. В. Святловского.—Бумажный голод. Д. А. Лутохина.—Выставка, каких не надо устраивать.—Литературный конкурс Дома Литераторов.—Из воспоминаний о Ф. Д. Крюкове. В. Ф. Юцковского.—Памяти А. А. Шахматова. Акад. Ф. И. Успенского.—Памяти Г. С. Петрова, М. Ф. Фрейденберга и др.—Письмо в редакцию. Л. Г. Дейча, В. В. Водовозова и А. Файнштейна.

Накопление сырого материала.

В художественной литературе, выражаясь футуристским термином, царит «мертвость». Писательское творчество почти замерло. Писатели-художники прежних поколений не вносят ничего ценного в сокровищницу нашей художественной литературы. Не обогатили ее сколько-нибудь значительными художественными вкладами и пролетарские писатели, как сознается апологет прелестарской литературы Фриче, подводя литературный итог за два года в журнале «Творчество» (№ 10—11, за 1919 г.).

Из старых писателей многие кинулись за рубеж, добровольно обрекли себя на изгнание и ничтоговедение. Нельзя же называть «делом» никчемную игру в оппозицию из-за тридцати земель. Изгнанники, оторванные от родной почвы, от корней организической жизни, лишили себя возможности наблюдать и изучать зарождающийся на их родине новый жизненный уклад, собирать новый бытовой материал, чтобы герметизировать его потом в художественные образы. Нельзя наблюдать то, что совершается на родине, из заморского далека!

Писатели-художники, оставшиеся дома, озабоченные своими продовольственными нуждами, занятые службою в совнархозах и других советских учреждениях и выступлениями в пролеткультах, балтфлотах и кино, имеют редкую возможность наблюдать лишь те житейские явления, которые случайно попадают в поле их зрения. Между тем, современная жизнь бурлит и хлопочет. Бытовой материал можно черпать целыми пригоршнями. Народ, который до сих пор был огражден китайскою стеною от общественной и культурной жизни, являясь объектом всяких экспериментов извне, сам стал главным фактором совершающихся событий, вышел на политическую арену и привлечен к строительству новой жизни. Быт рабочих, крестьян, армии, весь прежний житейский уклад, весь облик народа и его душевный мир—все это претерпело и претерпевает значительные изменения. Тот бытовой материал, который мы видим вокруг себя, совершенно отличен от того, который характеризовал дореволюционный быт. Жизнь стала значительно сложнее, и воспроизведение ее в художественной форме требует от писателя-художника сугубой вдумчивости и наблюдательности.

Разумеется, мы говорим о писателях, которые черпают материал для своих произведений не внутри себя, не в своем мозгу и фантазии, а извне.

Писатель-художник, по верному замечанию Н. А. Боталревского, является художником-историком, а его произведение— историческою хроникою данной эпохи в лицах. По произведениям Тургенева, Гончарова, Толстого, Салтыкова, Писемского, Лескова, Появловского, Боборыкина, Успенского и др. историк знакомится с окружающей писателей действительностью, с бытом целых поколений, помещиков, крестьян, духовенства, чиновников, разночинцев, интеллигенции в разные периоды русской исторической жизни.

И переживания наших дней должны быть зафиксированы и закреплены в художественной форме.

Конечно, не сегодня и не завтра художнику можно принасть за претворение в художественные образы своих наблюдений. Жизнь еще не устоялась окончательно, не вошла в свое русло. Два слишком года всеобщей разрухи, гражданской войны, отмирания старого и рождения нового—все это не благоприятствует художественному творчеству, требующему душевного равновесия. Иные более чуткие и наблюдательные художники, быть может, и творили и творят в тиши своих кабинетов, но лишь для немногих счастливейцев доступен нынче типографский станок. Придет время—и оно не за горами—и писатели-художники откликнутся и обогатят литературу теми новыми образами и настроениями, которые даю пореволюционное время, как это имело место и после революции 1905 г.

А пока необходимо собирать и накапливать материал для будущих художественных произведений.

Русские ученые, оторванные от западных умственных центров, могли лишь заниматься накоплением сырого материала и посылкой сводки его. Но академики С. Ф. Ольденбург, подводя в журнале «Науки и ее работники» итоги работы русских ученых за последние годы, верит в грядущий расцвет науки. И хочется верить и в расцвет русской художественной литературы. Необходимо только, повторим, собирать сырой материал из окружающей действительности, накапливать наблюдения, не довольствуясь тем, что попадает в глаза. Истинный художник-писатель делает розыск новых житейских явлений, едва они называются...

искусства. Взять хотя-бы чисто революционное, даже пролетарское стихотворение Клеова «Февраль». Оно носит на себе неподдельную печать русской души и тем самым убедительно даже для явного белогвардейца.

Мимоходом следует сообщить, что безмятежные любители бубенцов завелись и в Нижнем-Новгороде—Шмерельсон, Ироднопов, Ермолаев. Это, очевидно, поэтические кондитеры, а-по нашему—ушкунники, отправившиеся завозывать нестронутые приволжские страны и обращать местное население в свою веру. К сожалению, это просто попутан, несколько не чувствующие произносимых ими слов, а, как провинциалы, они еще и шаржируют. Впрочем, к Ермолаеву это не относится. Он не без способностей, и—пусть подростет.

А бумаги в Нижнем-Новгороде должно быть довольно. Этакие счастливицы!

В. Ирецкий.

Новые книги.

Г. В. Плеханов. Сочинения, т. I, часть I и II. С портретом автора. Библиотека Научного Социализма, под ред. Д. Рязанова. Госуд. Изд-во, Петербург, 1920 г., стр. 381—XVI, ц. 75 руб.

Нельзя не приветствовать появление первого тома сочинений Плеханова, основоположника российского рабочего движения и идеолога научного социализма, впервые не только популяризовавшего учение Маркса-Энгельса, но и творчески применившего метод исторического материализма к явлениям общественной жизни России и к основным заданиям русской общественной мысли. В настоящем первом томе, охватывающем первые почти юношеские попытки литературно-публицистического творчества, относящиеся к периоду 1878-1884 г.г., уже чувствуется весь неслыханный диапазон писательского таланта Плеханова. На первых ста страницах отражается «доисторический», народнический (в частности черноперелдальский) период деятельности Плеханова; здесь помещаются почти художественно-беллетристически написанные корреспонденции, прекрасные характеристики А. Д. Михайлова и А. П. Шанова и отдельные статьи. Но уже в народнический период своей жизни Плеханов был близок к субъективному социологу (выражаясь русской терминологией) и приближался к марксизму, много того, особенно пути и задачи русского социалистического движения Плеханов пытался обосновать историко-материалистически. С этой точки зрения особенно примечательна статья его (истая, почему-то разделившая редактором на две особые части), напечатанная в № 3 и 4 «Земли и Воля» 1879 года под заглавием «Закон эволюционного развития обществ в задачи социализма в России». В ней Плеханов дает краткую, но для своего времени совершенно новую философию революции. Веру в роль личности в истории, упование на роль «кучки революционеров», решающих захватить власть,—идеология, столь характерная не только для первых младших шагов русского революционного движения,—отбрасывается уже тогда Плехановым, как идеология «теологического периода в развитии социологии». Именно из этой статьи ясно все видно, как настойчиво Плеханов-революционер пытался заменить субъективные моменты желательного объективными законами необходимости. В поисках такой позитивизации, такого реального обоснования задач революционного движения Плеханов и пришел к марксизму. И вот весь лежащий перед нами том, как и значительная часть позднейшей научно-публицистической деятельности Плеханова и пропитана этим духом преодоления теологического и метафизического периодов революционного движения.

Вполне зрелым и подобной борьбе Плеханов становится, однако, только с тех пор, как Рубиник или перебрал и неопределенное позитивистско-революционное задание часто его претворяется в ясный историко-материалистический социал-демократизм.

Вторую часть книги и составляют две основоположные для русского социал-демократического движения работы: 1) «Социализм и политическая борьба, сиблюжная послесловием 1917 г.» и 2) «Наши разногласия». Основным идеям этих двух работ Плеханов не изменил до конца дней своих. Эти обе работы посвящены, широко говоря, борьбе с революционным славянофильством, с идеей избранничества русского народа и введению социализма, как народа, в котором до сих пор обилие с одной стороны и слабость буржуазии с другой удержали социалистический дух. Практически у Л. Тихомирова и др. теоретиков «Наши дни Воля» это воззрение заострилось в основном тактическом смысле, будто в России момент надения старого порядка совпадает с моментом социалистического переворота. Против этого воззрения и его прагматических выводов и выступил Плеханов во всеоружии статистическо-экономических и историко-политических доводов. Через все эти и дальнейшие писания Плеханова является одно основное слагетное зерно: «Социалистическая организация производства предполагает такой характер экономических отношений, который бы делал эту организацию логическим выводом из всего предыдущего развития страны... Другая сторона, социалистическая, как и всякая другая, организация требует соответствующей ей основы. Этой-то основой и нет в современной России»

(стр. 147). Это Плеханов твердит в начале 80-х годов прошлого века и это повторяет и в своем послесловии 1917 г.

На вышедшем томе слишком мало чувствуется рука редактора, но даже его предслова, и только на несколько брошенных на стр. VII примечания мы узнаем, как настоящее издание является воспроизведением,—притом даже не версморенным и не дополненным (если не считать упомянутого послесловия)—шестого издания 1905 г. Неясно, почему делало Госуд. Изд-во является только издание сочинений, а не полного собрания сочинений по нового основоположника и вождя российской социал-демократии: то, что невозможно было в 1905 г. за-границей, должно быть под силу ныне в России. Многочисленные и, как всегда у Плеханова, весьма удачные иностранные цитаты (стр. 245, 185 и в др. м.), не порочены на русский язык, что, по нашим временам, уже через-чур аристократично. Технически книга издана хорошо и снабжена удачным портретом Плеханова последних лет его жизни.

Проф. М. Лазерсон.

А. А. Шилов. «Каракозов и покушение 4 апреля 1886 года». Историко-революционная библиотека. Петербург, изд. Государственного Издательства, 1920 г. Стр. 66.

Остатывалось долго на оценки события 4 апреля 1886 года не приходится. Покушение Д. В. Каракозова явилось исходным пунктом перелома в русской истории XIX века. Оно вызвало наступившую вскоре после 4 апреля 1886 г. реакцию и открыло новую эпоху упорной революционной борьбы с самодержавием, приводящую в конечном итоге к победе революции. Относящаяся к середине 80-х годов деятельность первых в сущности подпольных кружков, выдвинувших Каракозова на политическую арену, знакома нам по отрывочным материалам лишь в самых общих чертах. Заполнить этот значительный пробел и осветить, на основании ставших с революцией 1917 г. доступными архивных материалов, событие 4 апреля 1886 г.—такова задача, которую поставил себе А. А. Шилов, кстати сказать, однажды уже затронувший это событие на страницах журнала. И в настоящей своей брошюре А. А. Шилов не стремился, видимо путем серьезного и широкого научного анализа изменить в его распоряжении материалов истеричным образом исследовать во всех деталях события, так или иначе связанные с датой 4 апреля 1886 года. Цели автора, как можно судить по одному заглавию брошюры, были более узкие. А. А. Шилов характеризует господствовавшее в 1885—86 гг. настроение различных кругов русского общества, выясняет логическую связь между деятельностью московских революционных студенческих кружков («Организация» и «Ад»), покушением Каракозова и настроениями и чаяниями предшествовавшей покушению эпохи. Далее автор впервые, на основании материалов специально учрежденной следственной комиссии, дал сваями обстоятельный и обобщающий очерк обстоятельств, создавших 4 апреля 1886 года. Подробно автор останавливается на устройстве кружков «Организация» и «Ад», их принципах, целях, тактике, и т. д.

Фигуры Д. В. Каракозова и организатора и создателя кружков Н. А. Игумина выведены беспристрастно и в верном освещении. Приходится, однако, упрекнуть автора, коекого скупившегося при составлении очерка и во включенного в брошюру великому ряду документов, вроде характерной прокламации «Друзьям—рабочим», обнаруженной при аресте Каракозова и опубликованной уже А. А. Шиловым на страницах «Голоса Минувшего» (№ 10—12 за 1918 г.), или чрезвычайно ценного письма Каракозова к Александру II, писанного после приговора, где осужденный революционер, стоя перед виселицей, заявил: «если бы у меня было сто жизней, а не одна, и если бы народ потребовал, чтобы я все сто жизней принес в жертву народному благу, кланяясь государю, всем, что только есть святого, что я ни минуты не поколебался-бы принести такую жертву». Письмо это приводит, к сожалению, автор брошюры лишь в незначительных выдержках. Просается в глаза и совершенное отсутствие не только библиографического указания книг и статей о Каракозове, но и указаний на литературные источники, использованные автором брошюры. Написанные кратко, с настроением, доступным языком, украсившие притом недурно воспроизведенным портретом Каракозова, брошюра А. А. Шилова прочтется с интересом каждым.

Р. Кантор.

Макс Неттлау. Жизнь и деятельность Михаила Бакунина. Перевод с немецкого. Изд. «Голоса Труда». Петербург—Москва, 1930 г. Стр. 99. Цена 40 руб.

Последний и отчасти последователь «анестеза разрушения»—Макс Неттлау одновременно является и лучшим знакомым Бакунина. Перу его принадлежит единственная в мировой литературе обстоятельная трехтомная бакунинская биография, изданная на разных языках, является новым бакунинским способом, в количестве 50 лет.

Брошюра, лежащая перед нами и написанная М. Неттлау почти двадцать лет тому назад, в 1901 году, представляет, очевидно, конспект его основного труда: здесь нет речи о мировоззрении Бакунина, его взглядах на вопросы, как общие, так и выдвинутые современностью, о преемственной Бакунинским духовной эволюции. Но если брошюра Неттлау не касается внутреннего, духовного мира Бакунина, зато с достаточным полнотой изложена его биогра-